

Хохлов Михаил

ОДНАЖДЫ В ТОЦКОМ

ЗАПИСКИ КОНТРАКТНИКА

ГОД ПЕРВЫЙ
ЧАСТЬ 2

18+

Михаил Хохлов
Однажды в Тоцком.
Записки контрактника.
Год первый. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42913798

ISBN 978-5-4496-9916-9

Аннотация

Вы когда-нибудь служили в армии? Нет? Тогда эта книга для вас! Как только вы начнете читать эту книгу, считайте, что вам в руки вручили повестку в военкомат! Вы сможете пройти путь обыкновенного солдата от самого начала его службы и до самого дембеля! Вы примерите на себя армейскую форму и получите номерной автомат! Вы будете вместе с автором книги испытывать все тяготы и невзгоды армейской службы. С головой окунетесь в абсолютно новый мир со своими понятиями и уставами.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЗВЕРИ	9
АКАЙ	19
БУХГАЛТЕРИЯ	27
ДЕВЯНОСТЫЕ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Однажды в Тоцком. Записки контрактника Год первый. Часть 2

Михаил Хохлов

Дизайнер обложки Максим Пастухов

© Михаил Хохлов, 2019

© Максим Пастухов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-9916-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-9917-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моим армейским товарищам
(2005 – 2008 г.)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Доброго времени суток, дорогой читатель! Перед вами сейчас уникальная книга. В ней описаны события, которые в основном происходили в Оренбургской области, в небольшом военном городке – в Тоцком.

Помню один забавный стишок, написанный на задворках казармы: «Армия – жопа, Тоцк в ней дыра! И все мы со свистом попали туда!» Смешно, конечно, так как под этот стишок можно подогнуть любой другой город. На самом деле, не место страшит людей, а люди место. Сам по себе военный городок Тоцкое очень уютное и светлое место, но стоит вам попасть за заборы воинской части, как все меняется в одночасье. Примерный офицер семьянин становится жестоким тираном. Пьянчуга контрактник, что на гражданке скитается по кабакам, пройдя через КПП, начинает командовать вверенным ему отделением солдат. Вы словно проходите через некий портал двух, абсолютно разных, миров, где, вместе с переходом, меняется и личность человека.

Вы должны понять для себя одну вещь – в этой книге вы найдете больше неприятного, чем приятного. Вы узнаете то, о чем раньше никто и не заикался. Узнаете так же, что дедовщина не является, на самом деле, главной проблемой в армии. Почему офицеров называют «шакалами». Что такое армейская иерархия и армейские понятия. Вы будете ужасать-

ся, и удивляться проступкам и поступкам людей носящих на своих плечах погоны.

Все, о чем вы узнаете со страниц данной книги, происходило не на полях сражений, а в мирное время на территории воинской части и за ее пределами. Я повторюсь – в мирное время! Уточняю я это для того, чтобы вы не путали армию в мирное с армией в военное время, так как одни и те же люди, в разное время, будут вести себя по-разному. Например, в мирное время какой-нибудь «перец-дедушка», может обделаться от трели пулемета над головой и зарыться в окопе не поднимая головы. А скромный солдатик, тихий и мирный, может проявить невероятное мужество в бою и, даже, отдать жизнь, но в мирное время он себя никак не проявляет! Я это к тому, что в военное время принято быть сплоченным всем ребятам, кто завтра пойдет в бой и будет прикрывать твою спину. В мирное же время все наоборот – от скуки, солдаты придумывают себе новые приключения и выдумывают все различные понятия, где у старослужащего есть всегда преимущество перед новобранцами. Так что не ждите в этой книге геройских рассказов, где все друг за друга и каждый солдат другому солдату брат. Все как раз наоборот – жадность, алчность, лицемерие, подлость и многое другое вы найдете на страницах этой книги.

Эта книга позволит вам пройти вместе со мной весь путь от начала моей службы и до самого дембеля. Я покажу вам свои взлеты и падения. Позволю вам переживать вместе

со мной, плакать и смеяться. Я открою вам все тайны, которые таятся за забором воинской части и так тщательно скрываются. Вы сможете заглянуть в замочные скважины каптерок и посмотреть, что же там происходит по ночам. То, что я так долго хранил в себе, теперь станет известно всем. Вы, буквально, увидите, как молодой, «зеленый» юноша, постепенно превращается в мужчину. И я не буду вам рассказывать о том, какой калибр у какого орудия и на какое расстояние оно стреляет – оставлю эти вопросы любителям техники и истории. Тем более, что этой информации хватает на всех ресурсах – книги, интернет, телевидение. Я же вам расскажу про армейский быт – армия изнутри глазами солдата.

Книга «Однажды в Тоцком» будет состоять из трех частей – «Год первый», «Год второй» и «Год третий». Причем книга «Год первый» будет поделена также на две части – по полгода. Всего будет четыре книги.

Так же прошу меня понять, что в книге очень часто встречается нецензурная брань. Хочу отметить, что если я уж взялся за то, чтобы полностью передать вам читатель всю атмосферу, царившую в армии, то писать по-другому, не используя матерных слов, просто невозможно! В армии матерятся все – от офицеров до солдат. Я хочу, чтобы вы полностью окунулись в мою книгу с головой, а когда вынырнете, то скажите: «Я как будто сам побывал в армии!». И, чтобы такое произошло, я просто обязан писать так, а не иначе – заменяя матерные слова, на схожие по смыслу, но абсолютно

далекими по эмоциональному соображению.

А теперь самое главное. Чтобы материал моей книги не использовали органы внутренних дел и большинство людей не пострадали и не загремели за решетку (я в том числе), я вынужден сделать книгу художественной, а не документальной. Некоторые имена, должности и звания я изменю. Не все события будут правдой, но суть я донесу, не сомневайтесь. Я постараюсь как можно меньше исковеркать факты, или же не исправлять их вовсе, но где правда, а где ложь смогут понять лишь немногие, посвященные в те события, люди. Поверьте, я не стану лишним раз запугивать бедную мать неправдоподобным рассказом, наоборот – если вам страшно, и вы не верите, то значит, вы читаете истинную правду!

И помните, несмотря на все, что я написал выше, в армии существуют ОФИЦЕРЫ и достойные люди. Я их видел!

Ну, что, вы готовы надеть на себя военную форму и окунуться в мир армии? Тогда переворачивайте страницу. Мы начинаем.

ЗВЕРИ

Как вы думаете, что происходит с людьми, в большинстве случаев, когда в их руки попадает власть? Они начинают терять голову. Не обошло это и нас стороной. Эта глава очень важна для меня, так как в ней я расскажу о том, как в считанные дни превратился в того, кого бы, сейчас, люто ненавидел. В человека, в котором нет сострадания, нет ничего людского, и нет никакого достоинства. Это моя темная сторона. Моя, и моих товарищей, которые, как и я, не были готовы принять бремя власти.

Ночь, которая дала нам все бразды правления во взводе, перевернула все с ног на голову. «Деды» стали работать наравне со «слонами» нашего призыва, тогда как мы работать перестали. Узнав про нашу революцию, «деды» из других батарей не стали вмешиваться, так как им до этого не было дела – здесь нам сыграло на руку то, что наши взводовские «деды» очень мало общались с другими, что и сыграло с ними в злую шутку – они не нашли поддержки внутри дивизиона.

Впоследствии Сергей с Димкой так же получили сержантов и стали командирами отделений, что делало их, вполне законными управленцами нашего взвода. Саша Шейка и Марат, хоть и не являлись командирами отделений, но были верными соратниками, которые помогали управлять взводом, так сказать, изнутри. Всего во взводе управления было

четыре должности командиров отделения – три из них занимали я, Димка и Сергей, а вот четвертая должность сочетала в себе командира отделения и замкомандира взвода. Это, довольно таки, ответственная должность, так как, в отсутствии своего взводного офицера, именно его заместитель принимал на себя обязанность командира. Я решил, что мне стоит оставаться в тени и не святиться лишней раз перед офицерами. Поэтому, на должность заместителя командира взвода, я предложил молодого парня, который прибыл из учебки, по фамилии Беда.

По началу, все шло как по маслу, «деды» работали, наш призыв, который прибыл из учебки, тоже. Был еще один парень, который имел почетное звание – единственный «дух» во взводе. Так сказать «Золотой дух». Именно его той ночью, я ударил по лицу, когда он пытался встать с кровати. Парня звали Ильгиз. Мы ему дали прозвище Хаба, которое было созвучно с его фамилией. Этот парень мне сразу приглянулся, так как не был похож на остальных. Во-первых, он был самым худым солдатом во всем полку. Настолько худым, что мне приходилось, однажды, везти его в Оренбург на откормку... Я сам был, откровенно говоря, в шоке, когда узнал, что в армии есть возможность отправить парня в госпиталь, где его будут пичкать котлетами по пять раз в день, чтобы он набрал вес. То есть, вдумайтесь – по недобору веса его взяли, чтобы потом откормить... Через пару недель, набрав три килограмма веса, Хаба мне позвонил и попросил его забрать,

иначе он с ума сойдет от этих котлет. Во-вторых, он, словно книга, всегда был открыт для разговора, и я не помню момента, когда он мне соврал. В общем, искренний, добродушный парень, который брал своей простотой.

Изначально, мы просто руководили личным составом, распределяли рабочие места, назначали дневальных и дежурных, определяли людей в наряд. Вскоре, этого нам показалась мало. Мы поняли, что теперь, когда нарушена цепочка системы, где «дедам» «слоны» тянут слонячку, мы сами могли назначать себе «слонов». Только представьте, что мы прослужили всего полгода, и в армейской иерархии должны прислуживать своим «дедам» ближайšie шесть месяцев, но теперь, мы назначали себе «слонов» из своего же призыва!

Начиналось все с мелочей. Сначала, я отправил одного молодого в чепок за булочками. То есть, такого же молодого, как и я сам... Когда мне принесли булочки, я понял, что могу просить еще чего-нибудь, и это будет сделано. Мои товарищи не отставали. Отправляли «слонов» за сигаретами, в столовую за хлебом, в другие казармы, чтобы передать сообщение на словах нашим знакомым, типа «живая смска». Но и этого нам казалось мало.

Мы начали звереть, под вседозволенностью. С такой жадностью мы упивались своей ранней властью, что на все закрывали глаза. Мы ничего святого перед собой не видели. И мы выжимали из наших бумажных корон все до последней

капли.

Мы просто начали «играть» в армию!

Я никогда не за кем не заправлял кровать. Никогда не стирал кому-то носки или портянки. Как-то стирал бушлат Женьке Ларину, но тогда была заключена честная сделка, где мне достался чистый и красивый бушлат, за что Евгению отдельное спасибо. Но мне, почему-то, захотелось почувствовать себя так, как чувствуют себя армейские «дедушки», когда им прислуживают «слоны». А именно, я хотел, чтобы за мной заправляли постель, и стирали мои вещи...

Сейчас, когда прошло уже много лет, я неустанно себя укоряю за то, что позволил себе такое бесстыдство, такое мерзкое унижение своих сослуживцев. Знаю, что оправдываться, здесь нет смысла. Я бы мог сказать, что в армии так делали все. Да, делали. Но со мной так не поступали. Так почему же я позволил себе такое? Наверное, потому что не был готов так рано «встать у руля». Я обвинял дагестанцев, когда они вели себя, словно «деды», но прослужили столько же, сколько и мы. Теперь же я вел себя точно так же, как и они. Я был ничуть не лучше их. И даже хуже. Все это для меня является черной главой в моей жизни, за которую мне всегда будет стыдно. Но это было. И я об этом расскажу.

Я выбрал бойца по фамилии Дятлов. Впоследствии, за ним закрепилось прозвище Дятел. Особо принуждать его тянуть мне слонячку, то есть прислуживать, не пришлось – одна увесистая пощечина, и солдат готов на все. По утрам он

начал заправлять за мной кровать. По вечерам он подшивал мне китель. После отбоя, он садился на стульчик и начинал подшивать свой воротник, а потом и мой. Потом шел, стирал свои портянки и мои носки. Из столовой он носил мне пищу в котелке, когда мне лень было ходить самому. Примерно так и проходит слонячка в обычной армии. Все зависит от «дедушки» – насколько хватит у него фантазии. Моя же фантазия была безгранична.

Мои товарищи не отставали и выбрали себе по одному «слону». Кто пытался возразить, получал по голове, после чего, уже не отказывал. Все это продолжалось около месяца.

Помню, как хотел отправить Дятлова в столовую за сахаром и чаем, но в подразделении его не нашел.

– Не видели Дятла? – спросил я у своих парней.

– Я его в чепок отправил, за сосисками. – отозвался Марат.

– Чо-то я не понял, Марат. А какого хуя ты моего «слона» отправляешь, когда у тебя есть свой?! – недовольно спросил я.

– А он мне подменку стирает. Занят, в общем.

– Да мне похуй, чего он у тебя там стирает! – разозлился я не на шутку. – Нехуй трогать моего «слона», когда у тебя есть свой!

– А чо ты орешь-то? – подскочил Марат. – Ничего страшного с ним не случится!

В тот день мы с Маратом чуть не подрались из-за своих

«слонов». Через пару дней эта история повторилась, но уже с Сергеем и Сашкой. Сашка отправил «слона» Сергея в третий батальон, не помню зачем. Сергей возмутился, и снова возникла конфликтная ситуация. Страсти накалялись. Мы начинали грызться между собой из-за своих «слонов». Стали несговорчивыми друг с другом. Договорились, что чужих «слонов» не трогаем, но и это не спасало наши дружеские отношения, которые камнем катились к черту со скалы тщеславия. С каждым днем, мы становились угрюмее. Иногда вымещали свое недовольство на «слонах». Ребята попадали под горячую руку и получали, ровным счетом, ни за что. Ссоры между нами участились. Нужно было срочно, что-то делать.

Я собрал своих товарищей в каптерке.

– Пацаны, что с нами происходит? – начал я откровенный разговор, закуривая сигарету.

– А чо не так? – спросил Сергей.

– Все не так, братан. Мы с вами стали, словно звери, готовые сожрать друг друга из-за «слонов»! Оглянитесь! Еще месяц, и мы меж собой передеремся! Чо мы творим?

– Хохол правильно говорит. – поддержал меня Саша Шейка. – мы стали реже общаться друг с другом.

– Базара нет. – согласился Марат.

– Я чего хочу сказать. Может, не будем больше помечать «слонов» своими личными рабами? Взвод мы отбивали все вместе. Нам нечего делить меж собой. И кого мы делим? На-

ших же сослуживцев! Мы, блядь, как ебанные работорговцы! Как мы вообще до этого докатились?! – я говорил искренне, от всего сердца. Говорил так, чтобы мне поверили, и чтобы сохранить наши дружеские отношения.

– Бля, Хохол, все так. Ну его нахуй! – Димка встал со стула и пожал мне руку. – Братан, сам не знаю, как это случилось, но больше, этого не повториться.

– Мне тоже личный слон не нужен. И терять друзей я не хочу. – похлопал меня по плечу Сергей.

– Ну, так что? Мир, пацаны!?! – улыбнувшись, спросил я.

– Мир! – дружно ответили ребята, и мы все, по братски, обнялись.

В этот же день мы заказали через таксиста выпивку и до самого утра кутили в пьяном угаре.

Ночью я разбудил «духа» Хабу и предложил ему выпить со мной немного пивка.

– Знаешь, Хаба, – начал я исповедоваться «золотому духу» – Что-то так стремно на душе... Я когда призвался, думал, что не буду вести себя как мудака по отношению к молодым. А что в итоге? Я ни то, что к молодым – к своему призыву отношусь как к рабам...

Хаба молча меня слушал, не забывая при этом посасывать из баночки холодное пиво.

– Все эти ебанные армейские понятия, которые я сам люто ненавижу... Ты, кстати, не злился на меня, что я тебя той ночью по лицу ударил. Революция требует жертв, сам пони-

маешь.

Хаба согласился со мной кивком головы.

– Завтра многое изменится. Вот увидишь... Я не понял, ты что, выдузил все мое пиво?

Пока я изливал Хабе душу, он выпил всю банку пива. На мой вопрос «почему мне не оставил», пожал плечами, улыбнулся и пошел спать...

Утром, следующего дня, я собрал свой взвод, чтобы побеседовать с ребятами:

– Парни, я хочу, чтобы вы уяснили одну важную деталь – больше, во взводе управления, пока я здесь, никакой «слонячки» и прочей хуйни, не будет! Не важно, кто какого призыва, кто, сколько прослужил – все будут работать одинаково. Если я узнаю, что вы обижаете духа, будете отвечать передо мной. Вы теперь все равны. Забудьте про армейские понятия, больше никаких «дедушек», черпаков и прочих армейской ереси! Надеюсь, что, больше, мне не придется возвращаться к этому разговору.

После того разговора, во взводе управления, до самого моего дембеля, больше не существовало таких понятий, как «дух», «слон», «черпак» и «дедушка». Я считал, что это позволит избежать, не только нам, но и следующим поколениям, того, что постигло нас, в погоне за властью. Разумеется, мы могли, в шутку, называть кого-то по сроку службы, но только в шутку! Срок службы, во взводе управления, больше не имел значения. Даже тот, кто пришел к нам в первый день,

имел ровно столько же прав, как и те, кто прослужил год и больше.

Мы же себе отводили роль, этаких бригадиров, которые распределяют обязанности. В целом, все было, как и прежде, но только теперь, не существовало армейской иерархии. Мы не клеймили солдат отдельными «слонами». Это позволило, значительно сблизить ребят во взводе, между собой. Их больше не разделяли армейские понятия, которые позволяли смотреть на младший призыв с высоко. Парни стали чаще общаться между собой. Больше не было отдельных компаний – был один, сплоченный коллектив. Даже тем «дедам», что пострадали от нас, приходилось общаться с молодыми на равных – иначе жесткий спрос!

Был ли я горд тем, что мне прислуживал свой же призыв? Нет. Я просто об этом не задумывался. Однако, я безмерно гордился тем, как смотрели на меня ребята с других подразделений, когда видели, как я командую «дедами», хотя прослужил ровно столько, сколько и они. Это была слепая и глупая гордость. Молодой призыв, с соседних батарей считали, что я «дед» по сроку службы. Наш призыв, которым был наполнен дивизион наполовину, за место уволившихся дембелей, обходили меня стороной. Большинство старослужащих с батарей общались с нами на равных. Не все, конечно, принимали тот факт, что мы так рано поднялись в своем взводе, но и мешать нам никто не стал. Свой авторитет во взводе мы уже заработали, оставалось утвердить себя в дивизионе. Все

это делало меня гордецом. И только под конец своей службы, я начал понимать, что все мои проступки по отношению к своим сослуживцам, никак меня не красили. Они просто очерняли мою душу. Делали меня омерзительным. Но это было. Как было, и еще будет, многое другое, чем сегодня, я абсолютно не горжусь. Но, раз уж, я собрался написать эту книгу и обличить армейский быт изнутри, то и себя обходить стороной я не стану.

АКАЙ

Что ж, теперь я, Димка и Серега Карпин стали сержантами – командирами отделений. Нужно было командовать своими бойцами и у нас это получалось, довольно таки, не плохо. Но это было только внутри взвода. Нам не хватало той настойчивости, того упорства, что было в тех сержантах, которые прослужили подольше нашего. Мы еще не осмелели до такой степени, чтобы спорить с сержантами из других подразделений. Если нужно было командовать взводом вне стен нашей казармы, то мы вели себя скованно. Это в дивизионе знали, чего мы смогли добиться, и чего нам это стоило. В полку про это никто не знал, да и плевать было парням из других подразделений – если ты «слон» по сроку службы, то должен ему соответствовать. Осознание этого зажимало нас в рамки. Я был готов доказывать свое место во взводе, и даже в дивизионе, но выйти на большую арену полка, для меня было еще рановато. При любой ссоре с кем-то из старослужащих из других подразделений, как только узнают, что по сроку службы ты «слон», разговаривать уже никто не будет. Тебя просто избыют. И, если, небольшим количеством солдат, можно сделать революцию во взводе, то в полку такой номер не прокатит – масштабы не те. Систему срока службы в полку еще никто не отменял. Пока не отменял...

Тем не менее, раз уж мы навязали себя в командиры, нуж-

но было карабкаться вверх, и доказывать, что все это не зря. Но не всегда это получалось.

Как-то мы пошли кушать на ПХД. Димка Гурбанов повел наш взвод. Шли мы всем дивизионом. Наш взвод шел первым, так как по штату мы стояли во главе дивизиона. За нами шли батареи – первая, вторая и третья, а в самом конце, шел взвод обеспечения. Так вот, когда мы подходили к ПХД, нас подрезали солдаты из первого батальона. Сержанты первого батальона умышленно подвинули наш взвод и поставили свои роты впереди нас. Димка, как командующим взводом, возражать не стал, хотя, за такую наглость, он должен был, как минимум, возмутиться. Все это видел сержант из первой батареи Акай.

Акай по национальности был кабардинцем. Невысокого роста, коренастый и с, невероятно большой, головой. После ухода всех дембелей, Акай, на пару с ом, стали негласными лидерами всего дивизиона. Эдакие подпольные серые кардиналы. В дивизионе Акай все побаивались, и никто ему не смел возражать.

Так вот, когда Акай увидел, что взвод управления уступил наглости первого батальона, он, сначала, наехал на Димку:

– Ты какого хуя пропустил первый батальон, блядь?! Ты хоть понимаешь, что за тобой весь дивизион стоит?!

Димка лишь отмалчивался и не связывался с Акаем, так как понимал, что он не прав. Акай, поняв, что ничего вразумительного от Димки не дождетя, перевел свой гнев на сер-

жантов первого батальона:

– Э, сержанты! Вы охуели, блядь!?! Схуяли вы нас подрезаете?! Ну-ка, убирайте свой батальон, нахуй! Анан сигейм, блядь!

Удивительно, но сержанты первого батальона не стали спорить с Акаем и приказали своим ротам отодвинуться в сторону, чтобы уступить место нашему дивизиону. Просто представьте, как один человек своей наглостью разворачивает целый батальон! Теперь вы понимаете, о какой настойчивости и упорстве я вам говорил? Хотя с Акаем не спорили еще и потому, что он был кавказцем. А в нашем полку с ребятами с Кавказа редко кто спорил, так как понимали, что они всем заправляют. Вот и с Акаем спорить не стали, чтобы избежать последствий.

– Веди свой взвод, да поживей, блядь! – прикрикнул Акай на Димку.

После того инцидента у ПХД, я думал, что Акай больше не будет злиться на Димку. Но я ошибался. В этот же день, когда мы стояли на плацу в ожидании вечерней поверки, я услышал, как Акай кого-то зовет:

– Э, уебище?! Сержант, блядь?!

Я повернул голову и увидел, как Акай кричит через строй первой батареи. И кричал он именно Димке. Но Димка его не слышал, или делал вид, что не слышит. Я не знаю. Но, как только, Акай решил сам подойти к Дмитрию, поступила команда офицера штаба полка «Смирно!». Все замерли. Нача-

лась вечерняя поверка.

После вечерухи, мы вернулись в казарму. Я понимал, что начинает нарастать конфликт между Димкой и Акаем. Если Акай доберется до Гурбанчика, то потом доберется и до нас. Наш авторитет во взводе может пошатнуться. Зрел не хилый конфликт, который нужно было срочно уладить. Но как? Никто из нас не общался с Акаем, так как он был намного выше нас по рангу (если можно так сказать). Он старослужащий кабардинец, который имеет весомый авторитет не только в дивизионе, но и в полку, мы же молодые выскочки, которым, каким-то чудом, удалось обуздать своих «дедушек». Акаю было явно плевать на наши достижения. Решить вопрос через а, единственного, кто имел вес над Акаем, я не мог, так как после событий перед новым годом, мы даже не здоровались.

Я начал думать, как найти подход к Акаю, чтобы избежать не нужных последствий в дальнейшем. Так сказать – решай маленькие проблемы, чтобы потом, не решать большие.

За день до инцидента у ПХД, Димке Гурбанову пришла посылка. Довольно богатая посылочка, которая ломилась от всяких сладостей. Я вспомнил про то, что у нас еще оставались от посылки пара банок вареной сгущенки, и пакеты с печеньем.

Я подошел к Димке и спросил его разрешения взять сгущенку с печеньем.

– Зачем тебе, Хохол? Подожди маленько, вместе чай по-

том попьем.

– Надо, Гурбанчик. Я не для себя – для дела. Поверь, очень нужно. Всего рассказать не могу. Это для общего блага. Просто знай, что я поступлю с этим намного разумней, нежели мы просто все съедем.

Не знаю, смог ли я до конца убедить Димку в том, что отдать мне банку «сгухи» с печеньем, лучше, чем мы бы их просто съели, но Димка спорить не стал и дал свое согласие.

Я подумал, что, если я подойду к Акаю не с пустыми руками, то смогу его задобрить во время разговора. А разговор мне предстоял довольно сложный. Мало того, что я сам по сроку службы был «слоном», так я еще должен был говорить за другого «слона». С чего бы вообще Акаю меня слушать, а не послать куда по дальше? Я сильно волновался, что Акай просто не станет меня слушать. Сейчас очень многое зависело от предстоящего разговора. Я понимал, если сейчас не подойду к Акаю, то потом будет поздно.

Я взял банку сгущенки, пакет печенья и пошел искать Акаю.

– Акаю не видел? – спросил я у дневального.

– В умывальнике он.

Я решил подождать у входа в умывальник. Через пять минут из дверей умывальника вылетел боец из третьей батареи с окровавленным носом, а вслед за бойцом вышел Акай.

– Еще раз вы будете курить в туалете, когда дежурит моя батарея, я вас головой в унитаэ окуну! Анан сигейм! – кри-

чал Акай на солдата из третьей батарееи.

Ну вот, кабардинец явно не в духе. Я замешкался – подходить сейчас, или нет? Раз уж решился, то нужно было доводить дело до конца, и я подошел.

– Акай! – окликнул я кабардинца.

– Чо хотел? – повернулся он ко мне.

– Меня зовут Миша Хохол. Я с взвода управления. Не найдется свободной минутки, чтобы поговорить.

Акай посмотрел на меня оценивающим взглядом, затем улыбнулся и сказал:

– Конечно, найдется. Пойдем.

Кабардинец взял меня под руку, словно старого друга, и мы пошли с ним вдоль коридора.

– Что у тебя случилось, Хохол? – как-то по отечески, неожиданно для меня, спрашивал Акай.

– Не у меня. Я за друга пришел говорить. Сегодня на ПХД ты кричал на нашего сержанта Димку Гурбанова. Потом еще и на вечерухе.

– Это ты про того еблана, который первый батальон пропустил?

– Он нормальный парень, Акай. Просто ему нужно немного больше времени, чтобы адаптироваться, понимаешь? Нам всем нужно. Ты, наверное, слышал, что мы сменили власть во взводе.

– Слышал. Очень дерзко с вашей стороны. Это смелый поступок. Но, если вы взялись «рулить» во взводе, то должны

этому соответствовать, чтобы из-за вас не страдал весь дивизион, как это было сегодня у ПХД. Что потом скажут в других частях, когда узнают, что наш дивизион уступил первому батальону? Что артдивизион чмошники? Мне такая слава не нужна.

– Знаю, Акай. Все ты правильно говоришь. Сейчас, я лишь прошу у тебя дать нам немного времени, чтобы освоиться. Мы сами по себе и это осложняет с решением проблем с другими подразделениями.

– Если эти проблемы касаются всего дивизиона, то одни вы уже не будете – это общая проблема.

Мы дошли с Акаем до дальней оружейной комнаты, которая уже давно не действовала. Потом мы развернулись и пошли обратно по коридору. Старослужащие провожали нас недоумевающим взглядом – почему Акай идет под руку с Хохлом и беседует с ним, словно старые друзья. Да я и сам недоумевал, почему Акай, изначально, отнесся ко мне с пониманием. Как бы то ни было, я ему за это благодарен.

– Спасибо тебе, Акай, за то, что выслушал меня.

– Нет проблем, Хохол. Обращайся, если что.

Я уже собрался уходить, когда вспомнил про печенье с банкой сгущенки, которые все это время я держал в руках.

– Вот, возьми. Это от души. От нашего взвода, в знак признательности.

– Саул, Хохол! – обрадовался Акай и принял мой подарок.

О разговоре с Акаем никто из ребят со взвода не знал.

Не стал я и потом, спустя много времени, рассказывать об этом. Я решил сохранить наш с Акаем разговор в секрете, чтобы не зацепить гордость своих парней.

После беседы с кабардинцем, он стал со мной дружески здороваться. Потом он начал здороваться и с ребятами с моего взвода. Никто из парней не понимал, почему этот кабардинец так благосклонен к нашему взводу. Парни считали, что так и должно быть. И только я понимал, что, если бы, я не побеседовал тогда с Акаем, мы могли бы не удержать свое положение во взводе.

В свою очередь, тот разговор с Акаем, позволил мне чаще с ним общаться. Даже, изредка, но стал здороваться со мной. Это видели и другие старослужащие, которые не разделяли наших побед во взводе. Видя, как я общаюсь с Акаем, большая часть старослужащих смирилась с тем, что мы не хотим быть «слонами».

Я начинал выходить за рамки своего взвода и пробираться в окружение дивизиона. Это было лишь начало. Предстоял еще очень долгий путь.

БУХГАЛТЕРИЯ

Я уже упоминал, что незадолго до событий со сменой власти во взводе, в наш дивизион прибыл новый взводник – кадровый офицер лейтенант Тишинский.

Родом Тишинский был из Ростова – о чем постоянно напоминал его ярко выраженный ростовский говор. Чуть выше среднего роста, славянская внешность, светло-русые волосы и серо-голубые глаза. Лицом симпатичен. Таким был лейтенант Тишинский. Поначалу очень скромный офицер, вел себя довольно скованно. Видно было, что он растерян и многих вещей недопонимал. Пытался навязывать свои порядки и применять то, чему учили его в офицерской школе. Шел на контакт с нами, так как мы, как сержанты, были непосредственные его подчиненные, кто передавал волю царю взводовскому народу. Все было хорошо, пока не настал день выдачи зарплаты...

Зарплату мы тогда получали наличными. Приходили женщины из бухгалтерии, им выделяли место в каптерке третьей батареи, где они выдавали зарплату.

Я построил взвод за третьей батареей, которая стояла в очереди в каптерку. Очередь двигалась медленно. Две пожилые женщины бухгалтера абсолютно не торопились с выдачей денег. Ко всему прочему, в строй третьей батареей постоянно кто-то пристраивался, чтобы не занимать за нами.

Вот «слон» с первой батареи пристроился в ряды третьей, потом с ОБОЗа двое, с ВУНЫ один...

– Блядь, вы чо, совсем охуели, что-ли?! – не выдержал я наглости своего призыва из других подразделений. – Ты с какого взвода? – набросился я на того, кто встал последним.

– С ВУНЫ. – Выпучил боец глаза.

– Ну, так и пиздуй в свою ВУНу и ждите своей очереди, блядь!

– Меня начарт ждет в парке! Он сказал, что я могу без очереди. – Настаивал на своем боец.

Я схватил парня из ВУНЫ за воротник, развернул и пнул ногой под задницу.

– Чо ты делаешь?! – возмутился тот.

– В очередь, блядь! В конец строя!

Солдат с ВУНЫ еще с секунду поколебался, потом встал за нашим взводом.

Весь этот диалог с бойцом из ВУНЫ слышал наш взводник лейтенант Тишинский.

– Ты язык-то свой попридержи! – подошел Тишинский ко мне и тихонько толкнул за плечо.

– Не понял? – удивился я.

– Чего не понял? Ты почему при дамах материшься?!

– При ком?

– При женщинах, говорю!

Я повернулся в сторону двух бухгалтеров, которые уже успели за свою службу послушаться и насмотреться такого,

что даже не обращали внимание на такие рядовые ситуации, когда кто-то рядом кричит, матерится и раздает оплеухи другим. Будучи военными, женщины сами, частенько, любили приукрасить свою речь бранными словами. В армии мат – это как второй по значимости язык, после русского. Объясняешь, объясняешь человеку задачу, а он не понимает – гаркнул на него матом, и сразу понял! Чудеса, да и только! Это знали все – я, ребята, что стояли в строю и даже те бухгалтеря, что сами недовольно матерились на тех, кто ставит свою подпись не в ту графу при получении денег.

– Да вы чего, товарищ лейтенант? Я ж хотел, чтобы без очереди не лезли! – объяснялся я с лейтенантом.

– Культурнее надо!

Культурнее... Нашелся интеллигент. Что тут скажешь? Пару секунд я вообще не знал, что ответить Тишинскому на его» Культурнее надо!»

– Знаете, что, товарищ лейтенант, вы здесь совсем недавно, а потому многих вещей пока не понимаете. В армии все матерятся. И даже те милые барышни, с минуту назад, тоже матерились. Вы бы лучше смотрели, чтобы другие без очереди не лезли, а то наш взвод последним зарплату получит!

– Ты кого учить будешь, щенок?! – возмутился Тишинский. – Ну-ка, пойдем, поговорим!

Тишинский повел меня в ленинскую комнату, где мы остались с ним вдвоем наедине.

– Ты не охуел ли, случаем, солдат? – Пошел в наступление

лейтенант.

– Никак нет. – спокойно отвечал я.

– Ты кого службе учишь?! Без тебя разберусь, что я должен делать, а чего нет!

– Да, пожалуйста.

– И чтобы не матерился больше при женщинах тех!

– Да я вообще туда больше не пойду! Свою зарплату я уже получил, а вы сами теперь стойте и отгоняйте тех, кто без очереди!

Надо ли вам сейчас рассказывать, как Тишинский на меня разозлился? Как скрипели его зубы в тот момент и как быстро забегали глаза...

– Хохлов, ты ебанутый?! – лейтенант подошел ко мне вплотную и начал тыкать пальцем меня в грудь. – Ты совсем без страха.

– Руки убери от меня! – отвел я руку лейтенанта в сторону.

– Тебе въебать что-ли?!

– Ну, въеби!

Каждый раз, когда кто-то из офицеров указывал мне на мое место – я командир, а ты подчиненный, – у меня возникало чувство дежавю – все по шаблону!

– Ты что думаешь, что ты бессмертный?!

– Слушай, лейтенант, ты сам начал. Чего ты от меня хочешь?

– Ты мне не тычь!!!

– Да как скажете. Я вашу работу выполнял – заботился о своем коллективе. Вам что-то не понравилось. Не нравится – сами разгребайте. Если у вас все, то я пойду. Разрешите идти?

– Смотри, Хохлов, довыебываешься! – пригрозил мне лейтенант и вышел первым.

Неприятная ситуация, что тут скажешь. Именно с того дня наши отношения с Тишинским не заладились – он откровенно недолюбливал меня, я же старался его максимально игнорировать, либо просто избегать, чтобы не раздувать конфликт. Тишинского бесил тот факт, что его замемстителем был сержант Беда, недавно прибывший из учебки, который никак не мог справиться с взводом. Каждый раз, когда у Беды что-то не получалось, Тишинский шел ко мне и отдавал распоряжения через меня, зная, что я могу повлиять на свой коллектив. Вскоре Тишинский и вовсе обходил Беду и отдавал все распоряжения мне, что неуклонно вело к тому, что моя должность должна скоро смениться на замкомвзвода.

К завершению этой главы, не могу не упомянуть тот факт, что вскоре, Тишинский сам матерился направо и налево! Причем общество женщин его больше не стесняло при выборе острых фраз и колких выражений.

ДЕВЯНОСТЫЕ

В этот же вечер, когда мы с Тишинским разругались из-за очереди к бухгалтерам, ко мне подошел Акай и сказал, что пару бойцов из его первой батареи на меня жаловались за то, что я им беспричинно отвесил пару хороших подзатыльников.

– Хохол, так дела не делаются! Кто дал тебе право трогать моих солдат? – возмутился Акай.

Я объяснил Акаю сегодняшнюю ситуацию, где его бойцы без уважительной причины пытались пролезть без очереди на получение зарплаты, за что и получили свои хорошие подзатыльники.

– Я бы мог им и в морду дать от всей души, но, осознавая, что это твои бойцы, все же дал им детского подзатыльника. Не думал, что ты из-за этого будешь разбираться.

– Я разбираюсь по любому поводу за своих солдат, так как они мне платят за это. Но здесь твоя правда. И, тем не менее, если еще раз столкнешься с такой ситуацией, то позвони сперва мне, чтобы непоняток небыло.

– Я бы позвонил, да телефона нет.

Да, телефон в то время решал многое! Один только факт, что у тебя есть трубка, говорил о том, что ты уже чего-то стоишь, так как телефоны в нашей части отбирались «на раз». Как только кто-то из кавказцев, либо старослужащих увидят

у вас телефон, то можете уже попрощаться с дорогой игрушкой. Если же дорогая игрушка все еще при вас, значит вы чего-то стоите, раз смогли отбить свои интересы перед другими.

– Если хочешь расти и быть при делах, то без телефона не обойтись.

Акай уже собрался уходить, но я его окликнул:

– Акай, что значить «они тебе платят»? – не выдержал я своего любопытства.

– Ты чего, Хохол, с луны свалился что-ли? – Удивился Акай.

– Да нет, с Тюмени...

Акай ухмыльнулся.

– Ты вообще зачем дедов своих подвинул?

– Ну, так, чтобы жить нормально.

– Этого недостаточно, нужно из этого извлекать выгоду.

– Выгоду? – удивился я.

– Этак ты братан далеко не уедешь. Ладно, после отбоя заскочи ко мне и мы поговорим.

После вечерней поверки Акай пригласил меня к себе в каптерку, где подробно рассказал за кружкой чая обо всех дополнительных доходах в армии.

– Если хорошо постараться, то на дембель можно и на своей машине уехать. Главное везде искать рыночный спрос, братан. Вот смотри – какой самый ходовой товар в армии?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.